

Некрасов и цензура

Изучение той борьбы, которую постоянно, в течение нескольких десятилетий, приходилось вести Некрасову с царской цензурой, имеет большое значение для понимания жизни и творчества великого поэта революционной демократии.

Публикация цензурных материалов о Некрасове началась уже давно. Некоторые материалы были напечатаны еще в начале XX века М. К. Лемке. {См. его книги "Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия", СПб, 1904, "Николаевские жандармы и литература", 1826--1855 гг. Изд 2-е, СПб, 1909.} Наибольшее количество цензурных дел о Некрасове было опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым {См. его книги "Современник" при Чернышевском и Добролюбом" Л., 1936, Последние годы "Современника" 1863--1869 Л., 1939. См также статьи В. Е. Евгеньева-Максимова "В руках у палачей слова", "Голос минувшего", 1918, No 4--6, стр. 81--106, "В цензурных тисках", "Книга и революция", 1921, No 2 (14), стр. 36--47, "Н. А. Некрасов в борьбе с цензурой". Сб. "Творчество Некрасова". Под редакцией А. М. Еголина, "Труды Московского института истории, философии и литературы", М., 1939, т. III, стр. 35--57 и др.} В последнее время ряд таких материалов опубликован С. А. Рейсером, {Заметки о Некрасове "Звенья", сб. V, М. --Л., 1935, стр. 511--538.} М. М. Клеветским, {К истории борьбы Некрасова с цензурой, "Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина", вып. VI, М., 1940, стр. 41--43.} И. Ф. Ковалевым {Цензурные материалы о Некрасове, "Научный бюллетень Ленинградского Государственного ордена Ленина университета", No 16--17, 1947, стр. 77--79.} и другими исследователями

Приводимые здесь ранее не опубликованные цензурные материалы о Некрасове дают возможность внести несколько новых страничек в историю борьбы Некрасова с цензурой. По поводу цензурного дела о стихотворении "Послание к другу (Из-за границы)" журнал заседания С. -Петербургского цензурного комитета 30 января 1845 года гласит "... г цензор Никитенко представил на разрешение комитета назначенное для Литературной газеты стихотворение под названием "Послание к другу (Из-за границы)" с эпиграфом из стихотворений Языкова:

Так мы готовимся, о други!
На достохвальные заслуги
Великой родине своей...

Пьеса эта есть не иное что, как пародия на стихотворения Языкова, весьма подходящая к духу и формам их своим планом и слогом. Комитет, выслушав ее и не нашед в ней ничего, кроме безвредной шутки, определил дозволить к напечатанию, с тем, чтобы в стихах:

Горячо и, право, славно
Сердце русское твое.
Полюбил ты достославно
Нас развившее питье

слово *право* перед словом *славно* было заменено словами *лихо* или *чудно*". {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, 1845 г., No 38, лл. 15 об. - 16.} Сочетание слов "право" и "славно" было запрещено цензурным комитетом несомненно потому, что в этом каламбуре было усмотрено возможное оскорбление православной церкви. Ценность настоящего цензурного дела заключается прежде всего в том, что оно дает возможность восстановить неискаженный некрасовский текст. (До последнего времени в изданиях Некрасова печаталось "лихо-славно"). {Предложенная мною поправка опубликована (Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. XII, Гослитиздат, М., 1953, стр. 518).} Цензоры воздают здесь должное художественному мастерству Некрасова, сумевшего создать пародию, "весьма подходящую к духу и формам" пародированных стихотворений.

К 1847 году относится дело о стихотворении "Нравственный человек". В выписке из журнала заседания С. -Петербургского цензурного комитета 25 февраля 1847 года говорится: "... представленные на разрешение комитета г. цензором ординарным профессором <С. С.> Куторгой стихи, назначаемые для помещения в третьей книге "Современника" на 1847 год, под заглавием "Нравственный человек". Общая мысль этих стихов состоит в том, что можно

поступать безнаказанно со стороны законов, но жить в то же время, погрешая против нравственности, человечности. Здесь вовсе нет ничего противного уставу цензурному, и один только резкий тон их выражения заставил цензора доложить о них. По прочтении сих стихов, комитет разрешил их печатание". {ЦГИАЛ ф. 777, оп. 27, 1847 г., No 40, л. 28.} Несмотря на цензурное разрешение, "Нравственный человек" был напечатан в No 3 "Современника" за 1847 год в обезображенном виде: из третьей строфы был вытравлен мотив самоубийства несправедливо высеченного крестьянина (вместо "Он взял да утопился" было напечатано "Он сделался пьянчужкой"). Вероятно, здесь сказалося давление цензора С. С. Куторги. Эта строфа была выправлена Некрасовым в 1856 году в первом издании его "Стихотворений".

В 1848--1855 годах, кроме обычной, достаточно строгой цензуры, действовал еще "высочайше утвержденный" негласный комитет по делам печати, душивший малейшее проявление свободной мысли. Эти годы в литературе нередко называют "периодом мрачного семилетия". Интенсивность поэтического творчества Некрасова в эти годы значительно ослабевает, но в то же время он создает, в соавторстве с А. Я. Панаевой, огромные романы: "Три страны света" и "Мертвое озеро". Романы, в которых политические мотивы прикрывались сложными сюжетными перипетиями - приключениями героев и т. д., Некрасову, конечно, несравненно легче было проводить через цензурные рогатки, чем стихотворения, где идейное содержание выступало в гораздо более концентрированном, неприкрытом виде. Однако и романы встретили немало цензурных препятствий. Так, известно, что печатание "Трех стран света" было разрешено лишь после того, как авторы (Некрасов и Панаева) дали письменное удостоверение, что в романе добродетель восторжествует над пороком. {В. Е. Евгеньев-Максимов. В цензурных тисках, стр. 38.} Нами в цензурных делах разыскан еще документ, касающийся романа "Мертвое озеро"; этот документ (автограф А. Я. Панаевой) назван "Объяснение заглавия романа "Мертвое озеро"". Требование цензуры разъяснить заглавие "Мертвое озеро" было вызвано, вероятно, подозрением, что здесь заключен аллегорический намек на царскую Россию.

Приводим текст новонайденного документа. {Печатается впервые по подлиннику: ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1851 г., No 12, лл. 20--24 об. Указывая, что текст этот печатается впервые, необходимо сделать оговорку: беллетристическая его часть - описание озера и рассказ о смерти Булатова - вошла, с небольшими сокращениями и стилистическими поправками, в VIII часть романа "Мертвое озеро", причем Булатов был переименован в Куратова (Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. VIII, Гослитиздат, М., 1948, стр. 396--397 и 400--401).}

Объяснение заглавия романа "Мертвое озеро"

Роман "Мертвое озеро" состоит из нескольких связанных между собою историй, из которых главная, занимающая середину романа и объясняющая его заглавие, заключается в следующем:

Лет восемьдесят тому назад некто господин Булатов, приехав в свои поместья в отдаленной губернии, пленился живописным и мрачным местоположением около озера, находившегося в его имении, и построил тут дом. В жителях тех мест давно уже ходили суеверные предания об этом озере; но Булатов был человек крутого характера и не обратил внимания на эти слухи. И в самом деле ничего нельзя было придумать грандиознее и вместе с тем печальнее выбранного им местоположения. Дом стоял у подножья горы, и его фасад был обращен к озеру с бесконечными извилинами, которые пропадали в густом лесу. Кругом озера, с трех сторон, как бы служа оградой, были горы, покрытые редким еловым кустарником, и тем придавали этому месту вид крепости, в которой было заключено озеро с поверхностью вечно гладкою как зеркало. Огромные деревья, склоняясь к воде, бросали на нее страшные тени, а рукава озера, бесконечно извиваясь, вдали блистали кое-где между густым лесом.

Какое-то уныние царило кругом озера, которое даже в бурю было спокойно. Ветер, бушующий в горах, завывая, как бы страшился нарушить спокойствие озера, одни только верхушки дерев медленно покачивались и наполняли воздух странным гулом. Мрачный и раскидистый ельник стоял неподвижно, простирая свои длинные сучки к озеру, как бы стараясь

его защитить от солнца. Осока, страшной высоты тростник окаймляли озеро, и изумрудный мох, в виде травы, предательски укрывался между кустарниками ельника.

Ни дичь, ни звери, ни огромное количество рыб не пленяли жителей. Деревня была расположена на горе, позади барского дома. С незапамятных времен было предание не только этой деревни, но и соседних, что рыбы, звери и птицы у озера и в лесу, его окружающем, населены злыми духами для приманки жертв. Одна страшная необходимость в дровах отваживала мужиков спускаться в лес к озеру. Ни разу они не возвращались домой без новых подтверждений о страшных слухах, ходивших по деревне об озере. Огромную щуку, забредшую на берег озера, чтоб погреться на солнце, принимали за злого духа, и мужик, бросив свою неоконченную работу, бежал как безумный домой рассказать о злом духе в виде огромной щуки. Корова, забредшая к озеру и попавшая в окошко, {Окошко - здесь в значении "полынья в болоте"} которыми окружено было озеро, гибла без помощи, оглашая диким мычаньем унылое спокойствие озера. Никто не решался идти спасать несчастное животное

К подтверждению суеверия жителей деревни много способствовали без вести пропавшие люди, бывшие в лесу около озера. Вероятно, они гибли в страшных болотах, но никто не сомневался, что погибшие были жертвой злых духов, а не своей неосторожности.

В ту самую эпоху, когда суеверные рассказы об озере дошли до такой степени, что никто даже не решался приблизиться к нему, Булатов пленился величественною мрачностью озера и, смеясь над преданиями жителей, выстроил на подножье горы огромный дом и, желая искоренить предрассудки своих крестьян, он задавал богатые пиры на озере. Смоленные зажженные бочки спускались по гладкой воде, музыка гремела на лодках, разъезжая по озеру. Вино текло рекою, собравшиеся крестьяне пели хорами, девки и парни ходили хороводами. Но все как-то эти пиры были мрачны, пение было уныло, на всех лицах было какое-то беспокойство. Хотя на местах опасных, около берегов озера, стояли предостерегательные шесты, однако это не предупреждало несчастий. Отуманенный вином мужик заходил в болото и проваливался в окошко. Ребенок, пленясь цветком или рыбой, плескавшейся у его глаз, делал прыжок, желая избегнуть опасного места, нога скользила, и он падал в пропасть. Все эти случаи лишили Булатова возможности искоренить предрассудки и отвращение к озеру. Ни пиры, ни подарки не пленяли крестьян, и в праздничные дни никто не являлся, дворня одна веселилась. Раз музыканты, подгуляв не в меру и поссорясь в лодке, неосторожными движениями перепрокинули ее, и как все были нетрезвые, то как камни пошли ко дну. Одна только лодка с несколькими инструментами тихо возвратилась к берегу. Шалаши для рыбаков были разбросаны по берегам, но никто не решился в них поселиться, несмотря на выгоду, потому что уже несколько погибло в них, налагая на себя руки. Вероятно, страшные предания и страх, укоренившийся с детства, обезумливал их, и они в припадке безумия налагали на себя руки.

Но все это только раздражало Булатова, и он во что бы то ни стало был намерен оживить озеро. От его дома тянулась как лента дорожка прямо к озеру, у берега которого стояла беседка с плотом и множество лодок. По возможности, опасные места у берегов озера были огорожены. Он построил разные беседки, где часто по вечерам пил чай. Может быть, ему бы и удалось искоренить суеверие крестьян, если бы он сам не был причиною к усилению рассказов об озере.

Характер Булатова был мрачен и непоколебим. Он еще не знал случая в своей жизни, где бы он, сказав да, переменял его. Жена его была женщина кроткая и, несмотря на свои пожилые лета, дрожала от одного взгляда мужа. Она разделяла с крестьянами весь страх и все отвращение к озеру, и только железная воля ее мужа заставляла ее жить близ такого места. В один летний вечер, часов в девять, на столе кипел самовар. Булатова ждали с охоты. Прошел час, самовар несколько раз был подогреваем. Жена Булатова с беспокойством ходила из комнаты в комнату, прислушиваясь к малейшему шуму. Сидя на балконе, выходящем к озеру, она почувствовала какую-то страшную тоску. Вечер был тих, а теплый ветерок доносил до ее слуха унылые кваканья лягушек. Луна то показывалась из-за туч, то на минуту освещала озеро, то опять скрывалась, оставляя все во мраке. Вдруг она вздрогнула и привстав стала прислушиваться. Слабые и протяжные крики слышались вдали. Они то умолкали, то опять возвышались над кваканьем лягушек. Наконец замолкли. Тревожимая каким-то предчувствием, жена Булатова послала дворню искать своего господина. Сама стоя на балконе, она с биением сердца следила за факелами рассыпавшейся дворни около озера.

Ночь прошла в розысках, к утру только, возобновив их опять, завидели фуражку Булатова. Его вытащили и принесли в дом. Вдова Булатова с единственным своим сыном бросила дом, и погибель Булатова еще более усилила ужас, возбуждаемый озером, которое давно уже окрестные жители называли *мертвым озером*, по множеству смертных случаев, происшедших около него, и потому еще, что, окруженное лесами, оно всегда было тихо и сохраняло мертвую неподвижность.

С тех пор прошло около пятидесяти лет, и страшные рассказы о мертвом озере только с каждым годом возрастали, делались мрачнее и нелепее. Дом стоял в запустении; потомки Булатова жили в Петербурге, а суеверная дворня даже боялась наведаться в заброшенный дом. Наконец один из потомков Булатова, прибыв на жительство в деревню, пленился, подобно своему предку, живописным местоположением Мертвого озера и, наперекор суеверным страхам, поселился около него в заброшенном доме. Затем продолжают происшествия, начатые уже в предыдущих частях романа, и роман оканчивается следующим образом:

Имение Булатова переходит впоследствии во владение к Наталье Кирилловне Дунаевой (уже действующей в романе, в VII части). У нее есть племянник Гриша, который женится на Насте, дочери Ивана Софроныча (тоже действующего уже в романе), и Наталья Кирилловна отдает им это имение. Гриша, Настя и Иван Софроныч поселяются смело около Мертвого озера, к ужасу суеверных жителей, которые предрекают им погибель. Но Иван Софроныч, как хороший управляющий (таким он представлен в предыдущих частях романа), с умением принимается за дело: он осушил болота около озера, вырубил часть леса, придававшего ему особенную мрачность, другую часть его превратил в парк, сделал просеки и дорожки, и мрачное место получило совсем другой вид, сохранив свою живописность. Так как они жили мирно и никаких несчастий с ними не случалось, то суеверные предрассудки о Мертвом озере начали исчезать в народе и, наконец, совершенно искоренились. Напротив, оно сделалось предметом зависти соседей, потому что в нем скопилось множество рыбы, а в окружавших его лесах множество дичи. Гриша с своею женою жили счастливо близ Мертвого озера и имели много детей". {Все изложенное здесь вкратце войдет в распространенном виде в следующие части романа, - и именно начиная с VIII части, ибо в VII, ныне представленной, один из героев романа Тавровский отправляется в деревню, где и должен встретиться с лицами романа, живущими у озера. (Примечание в подлиннике).}

В 1855--1856 годах, в обстановке начинавшегося подъема общественного движения, интенсивность поэтического творчества Некрасова значительно повысилась, а борьба его с цензурой активизировалась.

Укажем на один характерный факт, относящийся к издательской деятельности Некрасова. Хлопоча о пропуске страниц о Белинском в "Очерках гоголевского периода русской литературы" Н. Г. Чернышевского, Некрасов писал цензору В. Н. Бекетову (29 марта 1856 года): "Будьте друг, лучше запретите мою "Княгиню", запретите десять моих стихотворений кряду, даю честное слово: жаловаться не стану даже про себя". {Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. X, 1952, стр. 270.}

Эти строки характеризуют Некрасова как человека, готового пожертвовать собственными интересами для пользы общего дела. Но не все может здесь, на первый взгляд, показаться понятным. Что значит выражение "запретите десять моих стихотворений кряду"? Разве стихотворения Некрасова подвергались запрещению в это время? У нас есть данные, позволяющие утверждать, что выражение это не было "красным словом": в цензурном архиве нами разысканы запрещенные корректуры стихотворений Некрасова, предназначенных для "Современника".

Первая из них - корректура стихотворения "Совет (Подражание Пушкину)", получившего позднее заглавие "Петербургское утро", а еще позже вошедшего в состав поэмы "Несчастные". На этой корректуре - надпись: "Эти стихи такие мрачные, представляют Петербург таким грязным и зловонным городом, что пропустить их нельзя, и оставить при деле, 13 апр<еля> 1855 г.>". {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1855 г., № 28 л. 26.} Наличие этой корректуры позволяет уточнить датировку стихотворения: оно датируется 1855 годом, а теперь можно утверждать, что оно

было написано не позже начала апреля 1855 года. Напечатать его Некрасов смог лишь через год - в майской книжке "Современника" за 1856 год.

В том же архивном деле хранится перечеркнутая красными чернилами корректура стихотворения "Секрет", с надписью: "Получено от его превосходительства в заседании 12 августа 1855 года, для оставления при делах". {Там же, л. 72; "его превосходительство" - председатель С. -Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин.} Напечатать "Секрет" Некрасову удалось лишь через год - в "Современнике" (1856, No 8), а затем в первом собрании "Стихотворений".

В декабре 1855 года негласный комитет по делам печати был упразднен: в связи с подъемом освободительного движения реакция вынуждена была несколько отступить. Но преследование цензурой Некрасова отнюдь не прекратилось. Так, известно, что цензурой была запрещена поэма "Саша", и Некрасову пришлось действовать через своего приятеля Е. П. Ковалевского, чтобы добиться разрешения напечатать ее (в январском номере "Современника" за 1856 год). {В. Е. Евгеньев-Максимов. В цензурных тисках, стр. 38.}

Нам удалось разыскать папку рапортов наблюдавшего за "Современником" чиновника особых поручений Н. Родзянко министру народного просвещения А. С. Норову. Из этих рапортов явствует, что стихотворения Некрасова даже и после напечатания продолжали навлекать на себя нападки цензуры. Так, 23 февраля 1856 года Родзянко доносил о "Саше": "Это стихотворение, в отношении его буквального смысла, представляется во многих местах весьма темным; из них наиболее непонятные и резкие, при которых я поставил знаки ? и NB, могут невольно увлечь читателей к невыгодному толкованию оных". {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 6, 1855--1857 гг., No 150789, л. 35 об.} "Стихотворение "Филантроп", - доносил Родзянко 12 марта 1856 года, - не совсем выгодно в печати как по содержанию, так и по направлению. Наиболее резкие стихи я подчеркнул". {Там же, л. 38 об.} "Стихотворение "Княгиня", - доносил он же 5 мая 1856 года, - весьма резкая сатира на одного из членов высшего петербургского общества. Если происшествие это (которое, впрочем, автор относит к веку Екатерины) истина, то появление его в печати неблагоприятно; если это вымысел, то напечатание его следует признать непозволительным". {Там же, л. 42. В первопечатном тексте "Княгини" ("Современник", 1856 No 4), о котором писал Родзянко, действие стихотворения было отнесено Некрасовым, из цензурных соображений, ко времени Екатерины (впоследствии вступительные строки "В век Екатерины - и никак не ближе" были отброшены). "Один из членов высшего петербургского общества", выведенный в этом стихотворении, - графиня А. К. Воронцова-Дашкова.} "Стихотворение "Самодовольных болтунов", - писал Родзянко 16 ноября 1856 года, - должно производить невыгодное на читателей впечатление. Подчеркнутые мною выражения очень резки, и в двух местах (см. ?) довольно ясна, хотя и недоговоренная мысль, что Решетиллов обязывался дать свободу доставшимся ему по наследству крестьянам". {Там же, л. 84 об.}

Может показаться необъяснимым, как при таких обстоятельствах могло в 1856 году пройти через цензуру первое собрание "Стихотворений" Некрасова? Есть данные, позволяющие высказать предположение, что Некрасов ловко воспользовался обстановкой в С. -Петербургском цензурном комитете. 19 мая председательствовавший в этом комитете граф М. Н. Мусин-Пушкин, известный своим цензорским изуверством, вышел в отставку, сдав дела Г. А. Щербатову. {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, 1856 г., No 47, лл. 132 об. - 133. Часто встречающиеся в литературе (Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем т. II, 1948, стр. 626; "Литературное наследство", кн. 53--54, 1949, стр. 213) указания, будто в ноябре 1856 года председателем С. -Петербургского цензурного комитета был еще М. Н. Мусин-Пушкин, не верны.} Любопытно, однако, что Некрасов не стал дожидаться появления нового начальства, а подал книгу в цензуру в один из последних дней председательствования Мусина-Пушкина (книга была одобрена 14 мая). В этом был, очевидно, свой расчет: книга была такова, что и новый председатель, не столь "строгий", мог бы не пропустить ее, а Мусин-Пушкин, увольняемый за крайнюю ретроградность, возможно, был непрочь на прощанье сделать "либеральный жест". Как бы то ни было, книга "Стихотворений" Некрасова, вышедшая в свет 19 октября 1856 года, вызвала целую "цензурную бурю".

Цензурное дело о первом издании "Стихотворений" Некрасова уже освещалось в литературе, и основные документы этого дела давно напечатаны. Так, В. Е. Евгеньевым-

Максимовым был опубликован замечательный по своей яркости документ - рапорт чиновника особых поручений Е. Е. Волкова министру народного просвещения от 14 ноября 1856 года, содержащий цензурную характеристику целого ряда стихотворений Некрасова; {В. Е. Евгеньев-Максимов. В цензурных тисках, стр. 39--40.} также опубликовано (М. К. Лемке и В. Е. Евгеньевым-Максимовым) отношение министра народного просвещения к председателю С. - Петербургского цензурного комитета от 30 ноября 1856 года, предписывающее объявить выговор цензору (В. Н. Бекетову), пропустившему в печать сборник "Стихотворений" Некрасова, запретить перепечатки самой книги и статьи о ней и т. д. {Большие отрывки этого документа воспроизводились М. К. Лемке в книге "Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия" (стр. 312--314) и В. Е. Евгеньевым-Максимовым в книге "Современник" при Чернышевском и Добролюбом" (стр. 105--106).} Укажем также на публикации Н. Ф. Бельчикова {Н. Ф. Бельчиков. Н. А. Некрасов и цензура. "Красный архив", т. I, 1922, стр. 355--360.} и В. С. Нечаевой. {В. С. Нечаева. П. А. Вяземский - цензор Некрасова "Литературное наследство", кн. 53--54, 1949, стр. 213--218.}

Мы имеем возможность сообщить некоторые дополнительные сведения о цензурной истории первого собрания "Стихотворений" Некрасова. В частности, раз уже В. С. Нечаева подняла на страницах "Литературного наследства" вопрос о П. А. Вяземском как цензоре Некрасова, {В 1856--1858 годах П. А. Вяземский занимал должность товарища министра народного просвещения.} мы считаем уместным привести здесь еще несколько неопубликованных документов, имеющих прямое отношение к этому вопросу.

Первый из них представляет собой "извлечение", сделанное П. А. Вяземским из составленного им же проекта предписания министра народного просвещения по цензурному ведомству. В. С. Нечаева, опубликовавшая проект Вяземского в "Литературном наследстве", считает, что упомянутое Вяземским "извлечение" из его "проекта" - это и есть отношение министра народного просвещения к председателю С. -Петербургского цензурного комитета от 30 ноября 1856 года. {"Литературное наследство", кн. 53--54, стр. 214. Указанная В. С. Нечаевой датировка этого отношения (15 ноября) - явная опечатка.} Однако отношение министра не вполне совпадает с проектом Вяземского и никак не может считаться "извлечением" из него. Вот подлинный текст упомянутого "извлечения", представляющий собой действительно сокращенный вариант проекта П. А. Вяземского с присоединением последнего абзаца, сочиненного заново (это "извлечение" целиком вошло в отношение министра от 30 ноября, кроме последнего абзаца, еще не воспроизводившегося в печати):

По поручению Вашего высокопревосходительства, я рассмотрел книгу "Стихотворения Некрасова" и имею честь представить Вам мое о ней заключение. Многие из этих стихотворений, особенно если судить о них в последовательном порядке и в совокупности, могут подать повод к различным толкам и возбудить в общественном мнении удивление и неблагоприятные впечатления. От цензуры, конечно, не требуется, чтобы она везде и всегда усиливалась отыскивать сокрытый, предосудительный смысл, или в каждом общем выражении видеть умышленное и обвинительное применение к существующему порядку. Но между тем цензура должна быть предусмотрительна, проницательна и догадлива. Она должна знать свою публику и не допускать до печати все, что публика может перетолковать в дурную сторону. Например, в стихотворении "Гражданин и поэт", {Неточное заглавие стихотворения "Поэт и гражданин".} конечно, не явно и не буквально, выражены мнения и сочувствия неблагонамеренные. Но по всему ходу стихотворения и по некоторым отдельным выражениям нельзя не признать, что можно придать этому стихотворению смысл и значение самые превратные. Так:

В ночи, которую теперь
Мир доживает боязливо,
Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо, -
Ты твердо светоч свой держал;
Но небу было не угодно,
*Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно!*

И далее:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно -
Умрешь не даром: *дело прочно,*
Когда под ним струится кровь!

Между тем в этой книге встречаются такие стихотворения и такие стихи, над которыми не нужно и призадуматься, чтобы определить и оценить их неприличие и неуместность. Стоит только их прочесть, чтобы убедиться, что допускать их к печати не следовало. Таково, между прочим, стихотворение "Колыбельная песня". Она уже подвергала цензора выговору за ее напечатание в первый раз. И потому нельзя было ее перепечатывать без особого разрешения высшего начальства. Сюда относятся: III строфа стихотворения "Нравственный человек" или стихи:

Есть русских множество семей;
Они как будто добры -
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребры.

Из стихотворения "Прекрасная партия".

Также:

И вряд ли мужиков трактуют, как свиней!

Из стихотворения "Отрывки из путевых записок графа Гаранского".

Не исчисляя все подобные места, встречающиеся в стихотворениях г. Некрасова, довольно и приведенных здесь, чтобы определить впечатления, которые могут они произвести на многих из читателей.

Перепечатание некоторых из сих стихотворений в "Современнике", как будто в виде образца или вывески, есть другая неуместность, доказывающая недогадливость или упущение цензуры.

В заключение всего вышесказанного я считаю долгом присовокупить, что, по убеждению моему - ни в пропуске цензурою сих стихотворений, ни в напечатании их, ни, вероятно, и в самом сочинении их, нет умышленного и неблагонамеренного побуждения. Все это, если можно так выразиться, род литературного молодечества, свойственного русской натуре, которая часто любит и лишнее выпить и лишнее слово вымолвить, чтобы людям показать свое удалство. Со всем тем, дело цензуры удерживать подобные выходки и предупреждать подобные нарушения надлежащей и благоразумной трезвости.

*П. Вяземский.*¹

Второй документ, связанный с именем П. А. Вяземского, представляет собой его записку, датированную серединой ноября 1856 года и показывающую, что именно Вяземский был инициатором карательных мер против первого издания "Стихотворений" Некрасова; вот ее текст:

Для доклада г. министру. Кажется, следовало бы написать частным образом московскому попечителю, чтобы не помещалось в моск<овских> журналах ни статей о вышедших стихотворениях Некрасова, ни выписок из них. *П. Вяземский.* {Там же, л. 6.}

Непосредственным результатом этого доклада Вяземского явился секретный циркуляр министра народного просвещения, разосланный 26--29 ноября 1856 года; в печати известен

документ, адресованный в Московский учебный округ, согласно которому запрещались переиздания книги Некрасова, а также предписывалось, чтобы в периодических изданиях не появилось ни статей, касающихся этой книги, ни выписок из нее. {"Русская старина", 1911, No 2 стр. 499, примечание 1.}

Надо добавить (это еще не отмечалось в печати), что распоряжение министра имело характер секретного циркуляра: оно было сообщено также в Виленский, Киевский, Одесский учебные округа, наместнику Кавказскому, министру внутренних дел, в канцелярию Кавказского и Сибирского цензурных комитетов, в редакцию "Журнала Министерства народного просвещения". {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 6, 1856 г., No 151334, лл. 15--16 об.}

Поэтому в конце 50-х годов о произведениях Некрасова почти не появлялось критических статей. И лишь в 1861 году, после нескольких лет хлопот, Некрасову удалось добиться нового издания своих стихотворений.

В 1858 году возникло цензурное дело о поэме Некрасова "Несчастные", напечатанной в "Современнике" под заглавием "Эпилог ненаписанной поэмы". Та часть этого цензурного дела, которая относится к напечатанному в "Современнике" тексту, уже хорошо известна, и потому мы не будем о ней говорить. {См.: В. Е. Евгеньев-Максимов. "Современник" при Чернышевском и Добролюбом, стр. 226--228.} Приведем здесь лишь неопубликованную выписку из журнала заседания С. -Петербургского цензурного комитета 29 января 1858 года, которая показывает, во-первых, что и до напечатания поэма привлекала внимание цензуры и, во-вторых, что заглавие "Эпилог ненаписанной поэмы", которое обычно считается наиболее ранним заглавием "Несчастных", в действительности таковым не является; вот текст этой выписки:

Г. цензор Новосильский доложил стихотворение Некрасова под названием "Несчастные", предназначенные для помещения в "Современнике". *Определено:* Комитет... признал возможным разрешить их к напечатанию в означенном журнале, с измененным только заглавием. {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, 1858 г., No 49, л. 42 об.}

К 1859 году относится следующий документ о пьесе Некрасова "Забракованные", не появлявшийся еще в печати:

*Его высокопревосходительству господину Министру народного просвещения Чиновника
особых поручений, коллежского советника*

Ефремова

Донесение

В препровожденном ко мне на рассмотрение No 10 "Современника", в особом отделе, под названием "Свисток, собрание литературных, журнальных и других заметок", помещены сцены "Забракованные, трагедия в трех действиях"; в ней выведены, между прочим, трое юношей: сын дьячка, кончивший курс в губернской гимназии, сын уездного приказного и сын помещика, не выдержавшие экзамена в университет, последствием чему было то, что один из них умер с горя, а другие, по словам автора, сбились с пути и сделались дармоедами. Направление этих сцен - есть желание доказать, что строгость при экзамене не оправдывается пользою для дела.

Рассмотрение десятой книжки журнала "Современник" мною еще не окончено, но я счел долгом предварительно представить сцены эти на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства.

Коллежский советник *Ефремов*

29 октября 1859 г.²

Некоторая острота публикуемого документа связана с тем, что цензор выступил на защиту тех ограничений и препятствий, которые встречали тогда разночинцы при поступлении в высшие учебные заведения, тех самых ограничений и препятствий, против которых протестовал Некрасов своей пьесой "Забракованные".

Цензурный гнет, тяготевший над произведениями Некрасова, не уменьшился и после крестьянской реформы 1861 года. Наряду с преследованием произведений Некрасова, преследованием, совершенно аналогичным тому, которое имело место раньше, цензура особые старания стала прилагать к тому, чтобы произведения Некрасова не стали народным чтением, не попали в массовые издания. Несомненно, что причиной этого явилось революционизирующее влияние поэзии Некрасова на народные массы, ставшее тогда уже очевидным.

Некоторые материалы, характеризующие эту сторону деятельности цензуры, уже опубликованы. {Б. В. Папковский и И. Ф. Ковалев. Цензурные материалы о Некрасове. "Научный бюллетень Ленинградского Государственного ордена Ленина университета", No 16--17, 1947, стр. 71--79; И. Ковалев. Некрасов, запрещенный для народа. "Литературное наследство", кн. 53--54, 1949, стр. 223--226.} Приведем здесь два документа, еще не бывшие в печати. Первый из них относится к 1863 году и представляет собой надпись на запрещенной и приобщенной к цензурным делам рукописи стихотворения Некрасова "Калистрат"; надпись эта гласит: "По определению <С. ->Петербургского цензурного комитета статья эта признана к напечатанию в "Русской книжке" неудобною. 6 ноября <цензор> М. Касторский". {ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 26, 1863 г, No 9, л. 1.} Сама рукопись стихотворения "Калистрат" писана рукой И. А. Худякова - известного революционера, собирателя народного творчества; составленная им "Русская книжка", в которую вошли как произведения устного народного творчества, так и литературные произведения с демократической тематикой, вышла в свет в 1863 году. Книжка эта предназначалась, очевидно, для массового чтения. Второй документ относится к перепечатке отрывков из поэмы "Русские женщины" в сборнике "Народное чтение" и датируется 1883 годом. Вот текст этого документа:

"Народное чтение". Том второй, составил священник Феодор Понятовский. СПб., 1883, стр. 514.

Большая часть этого тома состоит из духовных статей, перемешанных со статьями светского содержания. Не касаясь статей духовных, требующих духовной цензуры, я имею честь обратить внимание комитета на отрывки стихотворений, взятые из сочинений Некрасова и отличающиеся тенденциозным характером, решительно невозможным в народном издании.

На стр. 496 стихотворение "Княгиня Трубецкая и губернатор", заимствованное из поэмы "Русские женщины", описывает, как каторжные ходят по этапу, и все мучения сердца губернаторского, имеющего *"приказ преграды ставить"* княгине. На стр. 497--513 - "Рассказ княгини Волконской". В нем переданы все тревоги женщины, супруги заговорщика:

И тихо шепнула: "я все поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде...
Что делать? И в каторге буду я жить.
Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)"
"Так вот ты какая!" - Сергей говорил,
Лицо его весело было...

Цензор полагает, что такие стихотворения, явно тенденциозные и только терпимые в общих бесцензурных изданиях поэта по многим другим качествам и как бы подавляемые другим, лучшим материалом поэта, не могут появляться в оголенном, так сказать, виде, в изданиях для народа. Люди из народа в этом сердечном рассказе княгини, пожалуй, найдут и преступление легким, и образ жизни в каторге приятным.

Вообще весь том, изданный священником, носит на себе другой отпечаток, не свойственный людям обрядовым и отличающийся явною тенденциею. Статьи духовного

содержания должны быть рассмотрены специальной цензурой также по особенностям выбора для народа.

Цензор *В. Ведров*

8 апреля 1883.³

Приведенные тексты с полной очевидностью показывают, что и после смерти поэта царская цензура препятствовала проникновению Некрасовской поэзии в народ. Только в наше, советское время поэзия Некрасова, освобожденная, наконец, от цензурных оков, стала подлинным достоянием народных масс.

Примечания

¹ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 6, 1856 г, № 151334, лл. 13--14. Курсив в тексте стихотворений Некрасова принадлежит П. А. Вяземскому.

² Там же, оп. 7, 1859--1860 гг., № 152082, лл. 29--29 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1883 г., № 53, лл. 4--5. К этому цензурному делу приложен пакет с надписью: "Запрещенные стихотворения Некрасова", в котором хранятся несколько экземпляров печатных отрывков поэмы "Русские женщины", вырезанных из сборника "Народное чтение".